

ЭССЕ О «СУБЛИЧНОСТИ»: ДВУКРАТНАЯ ПОПЫТКА ПОГОВОРИТЬ О НАСИЛИИ

*Евгений Михайлович Шторн**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Шторн Е.М. (2017) Эссе о «субличности»: двукратная попытка поговорить о насилии. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(5): 207–221.

Аннотация. Настоящее эссе представляет собой полевые заметки или способ социально-антропологической рефлексии о методологической работе, с которыми сталкивается исследователь, приступая к сензитивной теме, и не претендует на глубокое исследование поставленного вопроса. Я предлагаю обратиться к двум социологическим интервью с одним и тем же информантом на тему пережитого им насилия в связи с его гомосексуальностью. Опыт диалога на сензитивную тему в условиях отсутствия навыков говорения о такого рода проблематике рассматривается как повод для осмысления возникающих методологических затруднений. Складывающиеся в интервью нарративы позволяют выявить лакуны и разрывы в рассказе о жизненном опыте информанта. Наиболее важным в данном тексте являются различия, проявившиеся во втором интервью, связанные не столько с биографическим утаиванием, сколько с интерпретационной конвой событий и фактов. Возвращение к информанту во втором интервью оказалось плодотворным методологическим инструментом, позволившим не только обогатить его биографию подробностями и нюансами, но и по-новому определить исследовательскую проблему. Кроме того, важно отметить, что более детальный разговор, имеющий разрыв во времени, позволяет сравнить то, как сам информант оценивает свой опыт, и обнаружить, как такого рода оценки могут варьироваться и трансформироваться со временем. Наконец, необходимо отметить, что вне зависимости от изначального исследовательского вопроса и темы исследования, работа с информантом, желание услышать его и «следовать за ним», рождает новое знание, которое может существенно дистанцироваться от отправной точки. Если информант не уделяет интересующему исследователю вопросу достаточно внимания, это может дать совершенно неожиданные результаты.

Ключевые слова: ЛГБТ, гомосексуальность, преступления ненависти, методология, качественные исследования

Введение

Проблема притеснения негетеросексуальных и трансгендерных людей в России актуализировалась в последние несколько лет в связи с принятием закона о «пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений» среди несовершеннолетних. Хотя, «традиционность», к которой апеллирует зако-

* E-mail: evgshtorn@gmail.com

нодатель, является слабым аргументом для ограничения публичных высказываний (Хили 2014), закон может формировать способы говорения о гомосексуальности, характеризуемые умолчаниями, разрывами и лакунами (Kondakov 2014). Несмотря на то, что в исследованиях, проводимых в конце 1990-х и начале 2000-х показывается, что по сравнению с советским периодом в России значительно больше говорят и пишут о гомосексуальности, высказывания по этой теме часто сформированы в рамках «гомофобной» риторики (Омельченко 2002), т.е. с использованием враждебного или бедного словаря.

Исследование, для которого брались обсуждаемые в этом эссе интервью, выполнено в качественной методологии и призвано объяснить социальные механизмы гомофобного насилия. Именно качественные исследования ненавистнических преступлений актуальны сегодня для улучшения понимания причин, следствий и опыта переживаемого негетеросексуальными людьми насилия, поскольку эта тема остается малоисследованной и требует насыщения данными разного рода, в том числе антропологическим описанием опыта насилия (Enriquez 2017). Тем не менее, использование качественных методов для изучения опыта перенесенного насилия встречает ряд сложностей из-за сензитивности темы (Здравомыслова, Тёмкина 2016). В частности, это замалчивание опыта насилия в нарративных биографических интервью. Я опишу процедуру социологического интервьюирования по сензитивной теме и покажу, с одной стороны, каким образом информанту удалось *не* рассказать о том, что интересовало исследователя, а с другой — рассказать о том, что исследователь *не* ожидал услышать.

Негетеросексуальные люди, как показывают исследования, часто становились объектами насилия в России (Кондаков 2012а: 99; Кондаков 2017). Однако, как подчеркивает Даг Мейер, эпизоды насилия не всегда в полной мере рефлексированы жертвами преступлений (Meuer 2008): часто жертвы насилия не распознают такие эпизоды как насильственные либо объясняют их как результат нормализованных в обществе практик агрессии против людей, отличающихся по тем или иным признакам социальной стратификации — классу, расе, этничности, гендеру, сексуальности и иным характеристикам. Это показывает, что замалчивание насилия — результат не только какой-то конкретной целенаправленной политики, но и социальный процесс, проявляющийся на разных уровнях, в том числе на индивидуальном, когда жертвы насилия считают агрессию против них нормализованной. В задачи моей рефлексии об интервью входит описание того, как именно замалчивание проявляется в биографическом нарративе.

Отправной точкой для рефлексии о собираемых в биографических исследованиях качественных данных послужат два интервью с одним и тем же информантом. Методологически я формулирую этот процесс, как возвра-

щение к информанту, т.е. проведение «многослойного» интервью. Первое из них предполагалось мной как биографическое. Вторая встреча должна была стать своего рода «уточняющей» беседой. Я рассчитывал обсудить те моменты, которые показались мне особенно интересными или не до конца раскрытыми во время первой встречи.

Информант: первая встреча

В поисках информанта, я распространял объявление среди волонтеров ЛГБТ-правозащитных организаций, в котором было эксплицитно заявлено, что я ищу человека, ставшего жертвой преступления на почве ненависти против ЛГБТ. Речь пойдет о двух интервью с одним из откликнувшихся на это объявление. В предшествующей встрече переписке мы оставались в формальном режиме, обращаясь друг к другу на «Вы», но при встрече он сразу перешел на «ты» и чувствовал себя свободно, что можно расценить как признак готовности говорить на тему пережитого насилия. По задумке, первое интервью должно было быть «биографическим», в рамках которого я задам только три вопроса. Первый вопрос был об информированном согласии, второй — о возрасте, а третий вопрос, после которого я сказал информанту, что не буду больше задавать вопросов, звучал так: *«Расскажи, пожалуйста, о себе»*. Я приготовился слушать. Он говорил чуть меньше шести минут. Его биография оказалась похожа на заполнение анкеты: родился там-то, были названы национальности мамы и папы, обе довольно экзотичные (видимо, поэтому он придал этому особое значение), несколько слов было сказано о специальности и об опыте работы, а также о том, чем он занят сегодня. Мой информант остановился и сказал: *«Ну, вот, пожалуй, и все»*.

Провоцируя продолжение повествования, я попросил рассказать его о своем детстве. Он легко отозвался на мою просьбу, но, начиная с этого момента, он все время теребил кольцо, которое носит на указательном пальце правой руки. Он снимал его, надевал на средний, на безымянный, на указательный палец левой руки, потом снова снимал, сжимал в ладонке, надевал опять. Он улыбался, говорил вполне спокойно и был довольно раскован, но я не мог не следить все время за манипуляциями с кольцом и за беспокойными, немного судорожными движениями его рук. Это совмещение гладкости речи и нервности рук скрывало что-то о внутреннем состоянии человека.

Я стал и дальше задавать вопросы, пытаюсь наводить его на рассказы о тех вехах биографии, которые он сам обозначил в своем кратком введении. Мне удалось немного разговаривать с ним, дать ему возможность обрисовать какие-то подробности. Перечитывая сейчас это интервью, я все время мысленно возвращаюсь к нашей встрече. Мне кажется, что самое сложное в ситуации разговора с ним было понимание того, как мало я сам могу расска-

зять ему: я имею ввиду, не только то, что мой опыт может быть совсем другим и не содержать в себе опыта пережитого насилия, а скорее о собственной внутренней закрытости. Речь идет о заведомо неравных отношениях между информантом и социологом, структурирующих всю беседу.

Информант: первое интервью

В первом интервью, несмотря на анонсируемую мной тему насилия, тема семьи и особенно роли матери может быть определена, как центральная. Эта тема актуализировалась в момент описания взросления и соединялась в нарративе с описанием осознания и принятия информантом своей гомосексуальности. Этот сюжет находит во мне особый отклик, потому что сопротивление себе и принятие себя — это сложный процесс в моей жизни тоже. Это не обязательно касается сексуальности, ты принимаешь или не принимаешь избыточный вес, некрасивую фигуру, рост, форму носа, цвет глаз, длину пальцев, социальный статус семьи и пр. Принятие гомосексуальности помещено в определенный контекст социального исключения, в котором она находится, в ситуации замалчивания и невидимости (Мозжегоров 2013).

Семья

Семья предстает в нарративе информанта центром силы и защиты. Его мама — сильная женщина с крутым характером и строгими принципами:

...у меня еще от мамы, видимо, передалось, у нее тоже такой принцип, я еще помню с детства, когда мы даже в [страна] жили, там все родственники шокировали... эээ, ходили шокировались от ее, ну, то есть как бы, она могла... она постоянно всем скандалы закатывала, она, то есть, была очень такой строптивой женщиной, ну, она до сих пор такая есть, и вот после даже развода с папой, там другие мужья ее были и гражданские и, эээ, все ходили по стойке смирно, и она никогда от мужчин ничего не просила, никогда от них ничего не брала, когда они ей что-то да... ну эта модель взаимоотношений с мужчинами у меня и пошла.

Информант эксплицитно подчеркивает преимущество с мамой, что проявляется даже в такой незначительной фразе, как: *«учительницы математики, биологии, которые еще у моей мамы преподавали»*. Во втором интервью также проявится интересная связь с сильной женской фигурой, которая возникает в момент внутренней слабости информанта. Похоже образ сильной, независимой женщины, воительницы и спасительницы также заимствуется информантом из отношения к матери.

Фигура и роль отца значительно удалена от информанта, как в физическом смысле, так и в метафорическом. Отец далеко, и он не играет в его жизни никакой особой роли. В некотором смысле братья информанта за-

меняют собой отца. Важно отметить, что рассказ о одном из братьев связан с эпизодом насилия — случаем, когда информант был избит скинхедами при выгуле собаки в своем районе: «*был случай, когда у меня, в собственном моем дворе мне разбили голову битой, эээ, вот, да, правда потом их нашел мой брат, и им не поздоровилось*». В целом, информант готов много говорить о своей семье, она занимает важное место в его жизни, но тем не менее, если обратиться к «биографической» части первого интервью, до того момента, пока я не задал ему первый наводящий вопрос к продолжению нашего разговора, братья не упоминались вообще, а описание семьи сводилось к указанию на этничность родителей.

Культурное и религиозное различие, основанное на принадлежности родителей к разным культурам, христианской и мусульманской, в какой-то момент явилось причиной того, что родители расстались. В целом для информанта семья — это мама и ее сыновья, нежели отец и его разветвленное семейство. Информант противопоставляет две семьи, из которых материнскую рисует как «лучшую» и «близкую», а отцовскую экзотизирует и ориентализирует. Последняя понимается им как опасная настолько, что даже отец, будучи частью той, второй, семьи, принимает решение спасти информанта и его мать от разлуки и помогает им бежать в другую, воспринимаемую как более цивилизованную, реальность России. Эта внутренняя ценностная дихотомия, которая в нарративе не находит достаточной рефлексии, проявится чуть позже в описании одного инцидента, который произошел с информантом в ночном клубе.

Сексуальность

Джеффри Уикс заметил, что «через истории о желании и любви <...> люди формируют и изменяют представления о себе» (Уикс 2015). Мой информант не скрывает своей гомосексуальности, является открытым геем и активистом, не боится публичности и в целом чувствует себя вполне свободно. В первом интервью мы не останавливались на том, как именно происходил процесс раскрытия в семье, но очевидно, что в период постижения своей гомосексуальности мой информант не сразу поделился своими чувствами с семьей, о чем свидетельствует описание роли в его жизни фильма с Рупертом Эвереттом и Мадонной «Лучший друг», благодаря которому информант:

...понял, что это есть, что это вообще такое, что... потому что, ну, там нигде в газетах, нигде в жизни ты не увидишь этого, то есть, соответственно, у меня не было отторжения и непонимания, именно мыслей, что я какой-то странный, не такой, просто у меня... я не знал, что это, все, точка. И тут я увидел этот фильм и потом я его захлебом смотрел. Его показывали постоянно по телеканалу ТВ-3, почему-то постоянно там крутили и каждый раз я втихаря от всех закрывался в комнате, сидел

и вот так [с открытым ртом] сидя на полу смотрел этот фильм. Я пересматривал его, наверное, десятки раз.

Этот нарратив описывает способ получения информации в ситуации замалчивания определенной темы, т.е. в контексте информационного вакуума, в котором любая информация, связанная с гомосексуальностью, становится ценной и актуальной. В определенной степени сам процесс получения этой информации представляется информанту делом секретным или компрометирующим, что проявляется, когда он говорит: «*я втихаря от всех закрывался в комнате [чтобы смотреть этот фильм]*». Иными словами, в условиях информационной недостаточности сам факт получения информации становится своего рода тайным ритуалом, к которому не допускаются другие. Речь, конечно, не о фильме как таковом, а о секретности, окружающей вопрос о сексуальности. Человек обретает знание, которое объясняет ему нечто связанное с его смутными догадками о своих сексуальных предпочтениях, секретно. Более того, он предпочитает не делиться ни с кем этим открытием — воспроизводит режим замалчивания вопросов сексуальности в обществе.

В контексте обсуждения способов говорения о сексуальности в условиях замалчивания наиболее интересный эпизод интервью — это признание информанта, что он не помнит своего первого сексуального опыта с мужчиной. О похожем эффекте (замалчиваниях, недоговоренностях, утаиваниях) пишет Александр Кондаков, анализируя интервью с геем, имеющим опыт жизни в СССР: «Гомосексуальность призрачно намекает о своем существовании, не оформляясь в подходящий ей сексуализированный дискурс» (Кондаков 2012b). При этом мой информант вполне отчетливо помнит самые ранние свои влюбленности и даже описывает их в терминах идентичности:

Я еще как и все там лет в шесть, в семь, там, нравятся мальчики, девочки, мальчики, ну вот и у меня было ощущение, что мне нравятся и мальчик, и девочка, то есть, до какого-то определенного времени я наверное был бисексуален, эээ, потому что я испытывал абсолютно теплые чувства к девочке, но она была моей ровесницей, но при этом я смотрел на одного парня, которому было на тот момент 17 лет и это просто буря чувств, эмоций к нему было, иии, я не понимал, что это.

Кроме того, в подростковом возрасте у него были отношения с девушкой, они были лучшими друзьями и постепенно эти отношения переросли в сексуальные: «*в подростковом возрасте, до 17 лет я встречался с девушкой. Да! [смеется]. <...> У нас был секс, то есть достаточно раннего возраста был*». Важно заметить, что секс фигурирует в его нарративе только применительно к этой истории с девушкой. Таким образом, нарратив отражает некоторые характерные для современного общества социальные нормы го-

ворения о сексуальности: легитимно говорить о сексе только применительно к гетеросексуальным отношениям, в то время как гомосексуальные отношения маргинальны для нарратива и не могут открыто формулироваться в сексуальных терминах.

Основным способом коммуникации информанта, связанной с сексуальностью, длительное время оставались Интернет-чаты. Описание отношений с одним из собеседников в таком чате называется информантом «*опыт-опыт*»: «А первый, прям, опыт-опыт, это было... мы тоже с парнем познакомилась в одном из этих чатов, э, и выяснилось, <...> что он из Москвы». Словосочетание усиливает эвфемизм «опыт», обозначающий сексуальные отношения, чтобы передать собственно сексуальный смысл этого опыта. Дальнейшее развитие истории, однако, вновь затуманивает передаваемые информантом смыслы при повествовании о сексе. Итак, в скором времени они встретились: «я помню до сих пор эту смешную фразу, я не понял, что это значит, он говорит: «А можно я тебя пожамкаю?» [смеется]». Я рискнул все же задать ему уточняющий вопрос, был ли этот «опыт-опыт» первым сексуальным опытом информанта с женщиной, на что получил совершенно неожиданный для себя ответ:

V.: И вот это «пожамкать» — это был первый опыт-опыт?

O.: Ну, нет, просто мы обнимались, он меня целовал, да, это был для меня прям опыт-опыт, потому что у меня аж мышцы все сводило, потому что господи, что это такое, меня мужчина трогает, с ума сойти.

V.: Но нравилось?

O.: Да. И это был, да, наверное, это был первый опыт такой прям...

V.: А вот первый опыт, который уже прям...

O.: Эээ, я не помню [почти шепотом].

V.: Не помнишь.

O.: У-у. Был, но, когда был, не помню [пауза].

В нарративе отсутствует эксплицитное описание сексуальных отношений с мужчинами. Связано ли это с какими-либо особыми обстоятельствами первого сексуального опыта (например, насилием), отсутствием такого опыта или неделанием говорить о гомосексуальных отношениях — это вопросы из области поиска фактов. Для темы этой статьи важно отметить, что в лакунах и умолчаниях проявляются существующие в нашем обществе социальные нормы, ограничивающие способы говорить о стигматизируемом опыте: будь то опыт гомосексуальных отношений или насилия.

Жертва

О пережитом опыте насилия информант почти не говорил, за исключением скупого описания двух школьных эпизодов. Первый из них свидетельствует о том, как группа ребят из соседней школы, прознавшие о его гомо-

сексуальности, толкнули его под машину и ему чудом удалось не потерять ногу: *«это на самом деле был первый, наверное, случай, когда меня так вот прям нападение было, потому что меня идентифицировали как гея, вот»*. Второй эпизод — о давлении на него учительницы химии, которая унижала его и угрожала тем, что не поставит ему положительной оценки и оставит тем самым без сертификата зрелости:

Она говорит, типа, тебе, дебил, таких как ты вообще рожать нельзя, ааа, я два поставлю, и ты выйдешь из школы со справкой. А до этого я лежал в больнице, я вышел из больни... я вышел из больницы, и как раз последняя неделя была занятий. Ааа, я психанул, вскочил, первый раз в жизни, послал ее на три советских буквы, выбежал и у меня случился приступ, потому что ну видимо не совсем я оклемался после больницы. Я потерял сознание.

На помощь приходит мама и вместе они мобилизуют ресурсы, для того чтобы наказать обидчиков. Это горячее отношение к несправедливости также воспринимается информантом, как часть его правозащитной деятельности. Оба эпизода разрешаются тем, что сильная сторона вынуждена уступить требованию потерпевшего. В целом, начиная с самых ранних классов, после того, как мой информант с мамой окончательно переехали в Россию, он испытывал на себе давление:

Я помню этот первый момент, когда я подхожу к очереди в класс, первый мой день в новом классе, потому что тогда четвертый перескакивали и мне говорят, типа, чувак, типа, третий класс твой другой. Ну, с этого момента и начались издевки. Сначала начались просто потому что я меньше ростом и прочее, а дальше, ну, была тотальная травля, а потом, как чем больше, чем ближе к старшим классам, я начал отращивать длинные волосы, выглядел очень женственным, манерно, жеманно вел себя.

Этот эпизод запомнился мне неким моим внутренним конфузом. Дело в том, что самое начало фразы, про то, что он подходит к очереди в класс, я услышал, как начало какой-то забавной истории, но вдруг тональность резко изменилась и мой информант закончил ее в терминах «тотальной травли». Объяснение травли, тем не менее, формулируется как отчасти собственная вина — мой информант указывает на свои манеры, когда говорит о травле в школе, словно это разъясняет поступки агрессоров.

Все остальные случаи насилия описаны информантом в довольно амбивалентных терминах, он не классифицирует однозначно эпизоды насилия против него как эпизоды ненависти к геям. Один случай можно таковым считать, поскольку он соответствует «классическому» описанию преступления ненависти по гомофобным мотивам, когда преступники выкрикивают

оскорбительные слова, обозначающие их мотивы. Мой собеседник с друзьями шли из клуба, и какие-то нетрезвые люди крикнули им вслед матерные слова, намекающие на негетеросексуальность. Вновь принимая вину на себя, информант считает, что если бы он не обратил на это внимание, драки бы не было, но:

...у меня язык за зубами не держится. Слово за слово, потом, ну, вот завязалась драка, в итоге об мою голову разбили бутылку, потом еще пару раз ногой ударили, и я вот опять, ну, потом уже когда скорая приехала я... ну, мне и сейчас одного удара достаточно чтобы отрубиться, потому что после такого количества сотрясений, которое у меня было, это уже, ну, особо чтобы вырубить меня особых усилий не надо.

Тем не менее, предлагаемое информантом объяснение этого эпизода уводит нарратив в сторону от мотивов нарушителей порядка к эссенциалистским характеристикам их предполагаемой этничности. Информант указывает на то, что обидчики были «азербайджанцами», а сопровождавшая их девушка — «русской». Это, по мнению информанта, объясняет поступки участников: этнические другие описаны как заведомо потенциальные преступники, в то время как девушка как потенциально близкая — она не знала, что ее спутники имеют насильственные планы, а, узнав, помогла установить их личности. В описании насилия информант стремится обсуждать не собственную сексуальность, ставшую поводом к правонарушению, а этничность преступников.

По словам информанта «было много мелких случаев, но там, правда, когда, ну, я, как бы, когда получал, я оставался цел, здоров и невредим». Вся тональность разговора о пережитом насилии носила скорее характер легкой, бытовой зарисовки, за исключением разве что рассказов о психологическом и физическом давлении на информанта в период обучения в школе. Также практически полностью отсутствует нарративный элемент саспенса, который в целом используется информантом в описании других обстоятельств, например, в рассказах о первых знакомствах. Информант просто перечисляет детали происшествия, минимально рефлексировать, иногда даже воспринимает себя если не как провокатора происшествия, то как того, в чьих руках была возможность этой ситуации избежать. Кроме того, некоторое банализирование пережитого опыта можно объяснить дополнительными подробностями, открывшимися уже во втором нашем интервью.

Информант: вторая встреча

Наша вторая встреча произошла в начале января два месяца спустя. Несмотря на то, что второе интервью длилось в два раза дольше первого, более полутора часов, оно оказалось менее информативным, возможно, потому,

что было построено на моих попытках как-то проговорить некоторые моменты из предыдущего, которые остались для меня недостаточно раскрытыми. Впрочем, в нем проявились и весьма интересные подробности, о которых ниже. Я начал с того, что спросил информанта, было ли что-то в предыдущем разговоре, что показалось ему неправильным, как-то задело его, оставило неприятные впечатления, но он был ко мне очень благосклонен:

Я в принципе всегда открыт в плане вопросов, у меня нет каких-то табуированных тем, на которые я не разговаривал бы, вот. <...> Я могу оценить только из разряда комфортно-дискомфортно. По сути мне трудно сделать чтобы было дискомфортно. И было достаточно располагающе, то есть не было такого, что с позиции «я знаю», «я эксперт», «я исследователь». Нормальная беседа... Нету ощущения какой-то формальности, то есть да, в этом плане.

Далее я задал вопрос о том, изменилось ли что-нибудь в его жизни с момента предыдущего интервью, он стал долго говорить о том, что Новый год всегда оказывал на него определенного рода воздействие, связанное с подведением итогов, переоценкой ценностей и переработкой не только недавнего прошлого, но и вообще всего накопленного опыта. Поэтому изменения касались не столько фактических происшествий, сколько отношения информанта к тому, что уже случилось и что стало восприниматься им иначе под воздействием «новогодней перезагрузки».

Следующая тема нашего разговора, отсутствовавшая в первом интервью, показалась мне очень интересной. Информант рассказал, что в тот момент, когда мы встретились в первый раз у него были отношения в ВИЧ-позитивным молодым человеком:

Я просто в этот момент <...> пил препараты доконтактной терапии и прочее, и прочее, но это ощущение болезни, ощущение неполного, но переживания, там, возможного переживания, там, хотя оно, ну, как бы по сути социальной смерти не наступает, потому что я не заражусь ВИЧ, но все равно эти мысли, эти процессы они запускаются внутри тебя, соответственно, когда столько размышлений о болезни, о смерти, есть какие-то вещи меняются в голове, вот. <...> Но все равно у него такое отношение, что вот, ты здоровый, а я нет, из этого ничего не получится, и все равно, тем, кто не болеет, им не понять.

Этот рассказ вывел его на рассуждение, которое представляется ключевым для понимания того, почему опыт пережитого насилия в отношении себя как в первый раз, так, собственно, и во второй в целом игнорируется моим информантом. Одним из способов повествования о насилии является ироническое переосмысление эпизодов насилия. Это позволяет рассказы-

вать о последовательности событий, но и дистанцироваться от этого опыта. Второе интервью показывает, что этот способ говорения о насилии может быть центральным для информанта. Так, вместе со своим другом они придумали концепт «психопорно», отражающий, по всей видимости, пребывание в пограничных с точки зрения «среднего обывателя» состояний, в том числе опыт насилия. Эмный концепт (Сурманидзе 2004) «психопорно» помогает переосмысливать собственный опыт:

Я и в прошлом году встречался с молодым человеком, мы расстались, он меня бросил, потом просто выяснилось, что он получил анализы, узнал, что у него ВИЧ и поэтому он решил, что мы расстанемся. Теперь у него принципиально, я встречаюсь только с ВИЧ-положительными. <...> Недавно с другом термин для себя взяли «психопорно» [смеется]. <...> Я почти всю жизнь выбирал себе в партнеры людей, которые как-то травмированы, либо у них на данный момент ситуация в жизни, там, сложная, либо молодой человек он беженец с Донбасса, там, у мальчика мама умирает от рака, у этого ВИЧ, там, еще что-то и еще что-то, этот выпускник детского дома <...> Я даже когда смотрю на парня, а мне говорят, он ВИЧ <...>, и сразу же у меня как-то красивее в моих глазах становится, интереснее.

«Психопорно» позволяет релятивизировать свой опыт, выстраивать отношения с людьми, которым якобы «хуже, чем тебе». Это можно назвать таким способом говорить, который позволяет одновременно с говорением отстраниться от содержания беседы, поскольку встраивает в нарратив определенную интерпретацию событий. Кроме того, выбор словаря свидетельствует о тяготении психологических интерпретаций действий и поступков. Это в особенности проявляется в рассказе об еще одном сюжете, затронутом в подробностях только во втором интервью — истории о существовании «субличности» моего информанта, Даны Мортес:

Был определенный период моей жизни, когда мне было лет 18-17-19, когда у меня был активный образ Даны Мортес, но был период, когда был уверен, что мне нужна коррекция пола. Что я вообще не [имя], я не чувствую себя мужчиной, я чувствую себя женщиной. На МузТВ была программа «Страшно красивая». Мы с подругой, она сейчас уже полностью сделала все, коррекцию пола, полностью переход совершила, но тогда еще нет, мы с ней поехали на этот кастинг. <...> Через неделю нам позвонили и сказали, что мы оба прошли. И тут меня как-то перещелкнуло, я понял, что нет. Волосы состриг, начал отращивать щетину, <...> травести образ ушел, и я начал больше в области фрика, это такие пограничные образы между женщиной и мужчиной. При этом такие очень гипертрофированные, яркие. Потом это вообще ушло, какой-то процесс маскулинизации пошел, пошел, пошел, пошел.

Консультации с психологом привели к выводу, что *«образ Даны, абсолютно противоположен мне. В том плане, что такая сильная волевая женщина, которая меня может защитить и которая, когда какая-то сильная стрессовая ситуация она выходит на передний план»*. Возникновение в речи информанта психологизированного словаря, четкой дискурсивной рамки, нацеленной в большей степени на постановку диагноза, нежели на рефлексию пережитого, фактически отсутствовало в первом интервью и проявилось именно в момент описания Даны Мортес. Можно предположить, что само существование Даны Мортес, как «субличности» (словами информанта), это результат встречи информанта с психологом и помещение этого феномена в определенный принцип осмысления внутренних процессов информанта через психологический инструментарий. Таким образом, в способе говорить о себе проявляется специализированное знание, позволяющее дистанцироваться от непосредственного опыта.

Заключение

В этом эссе представлена авторская попытка осмысления интервью о насилии, в котором очень мало было сказано о насилии. Готовясь к интервью, я понимал, что разговор на чувствительную тему не будет простым разговором, а, перечитывая интервью, я понимаю, как именно чувствительные темы проявляются в нарративах. Рефлексия об опыте двух интервью с одним информантом позволила предположить, что в его биографии существует несколько тем, рассказ о которых обусловлен отсутствием привычных способов говорить на эти темы. Так, опыт гомосексуальности формулируется в романтических терминах, а не в сексуальных, которые предназначены для говорения о гетеросексуальности. Насилие описывается лишь вскользь и часто помещается в контекст шаблонных интерпретаций. Как становится ясно из второго интервью, большое значение для осмысления собственного опыта имеет для информанта специализированное психологическое знание, позволяющее искать объяснения жизненным сюжетам и одновременно дистанцироваться от них.

В заключении мне хотелось бы обозначить одну важную особенность обеих наших встреч с информантом. И в первый, и во второй раз моя инициатива нашла в нем очень горячую поддержку. Он моментально соглашался и все время демонстрировал принципиальную открытость. Однако сюжет с молодым человеком, о котором он немного рассказывал в первую встречу, совершенно не упоминая о ВИЧ-позитивном статусе или некоторые детали его сексуального опыта, которыми он не хотел делиться, создают очень странное впечатление, что он хочет транслировать во внешний мир свой образ, отличный от самоощущения. В каком-то смысле оба интервью мне давала Дана Мортес, а мой информант скромно молчал, когда вопросы адресовались непосредственно ему.

Литература

Здравомыслова Е., Темкина А. (2014) Феминистские рефлексии о полевоом исследовании. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 1: 84–112.

Кондаков А. (2012a) Правовые раны: значение прав человека для геев и лесбиянок в России. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 4(3): 84–104.

Кондаков А. (2012b) Беседа с призракoм. Карпенко О. (ред.) *Беспредельная социология: сиквел*. СПб.: Центр независимых социологических исследований: 97–111.

Кондаков А. (2017) *Преступления на почве ненависти против ЛГБТ в России*. СПб.: Центр независимых социологических исследований.

Мозжегоров С. (2013) Стратегии гомосексуального раскрытия в личностных нарративах российских геев и лесбиянок. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 68(3): 172–187.

Омельченко Е. (2002) «Не любим мы геев...»: гомофобия провинциальной молодежи. Ушакин С. (ред.) *О муже(N)ственности*. М.: НЛО: 582–608.

Сурманидзе Л. (2004) Культура: современные эмпирико-исследовательские тенденции. Парцвания В.В. (ред.) *Человек: соотношение национального и общечеловеческого. Вып. 2. Сб. материалов международного симпозиума (г. Зугдиди, Грузия, 19–20 мая 2004 г.)*. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество: 225–238.

Уикс Дж. (2015) Как важно знать историю: анализ конструирования сексуальностей. Кондаков А. (ред.) *Общество и право: исследовательские перспективы*. СПб.: Центр независимых социологических исследований: 125–139.

Хили Д. (2014) Что такое «традиционные сексуальные отношения»? Кондаков А. (ред.) *На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований*. СПб.: Центр независимых социологических исследований: 55–67.

Enriquez L. (2017) Everyday Violence in Central America as Seen Through the Life of One Woman. *Qualitative Sociology*, 40: 377–402.

Kondakov A. (2014) The Silenced Citizens of Russia: Exclusion of Non-heterosexual Subjects From Rights-Based Citizenship. *Social & Legal Studies*, 23: 151–174.

Meyer D. (2008) Interpreting and Experiencing Anti-Queer Violence: Race, Class, and Gender Differences among LGBT Hate Crime Victims. *Race, Gender & Class Journal*, 3/4: 262–282.

AN ESSAY ON «SUB-PERSONALITY»: A TWO-TIME ATTEMPT TO SPEAK ABOUT VIOLENCE

*Evgeny Shtorn**

The National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

Citation: Shtorn E. M. (2017) *Esse o sublichnosti: dvukratnaja popitka pogovorit' o nasilii* [An Essay on «Sub-Personality»: a Two-Time Attempt to Speak about Violence]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20(5): 207–221 (in Russian).

Abstract: This essay is a field note or a socio-anthropological reflection on the methodological work that the researcher encounters in starting a sensitive topic. It does not seek to fulfil an in-depth study of the question posed. I propose to consider two sociological interviews with the same interviewee about his experience of violence related to his homosexuality. The experience of our conversation on a sensitive topic in the absence of speaking skills about this kind of problems is regarded as a starting point for understanding emerging methodological difficulties. The interview narrative allows to identify lacunae and gaps in the story of the life experience of my interviewee. The most important in this text are the differences that appeared in the second interview: they are not so much related to biographical sequences, but rather give a different interpretation of events. The return to the interviewee for the second time proved to be a fruitful methodological tool that allowed not only to fill his biography with details and nuances, but also to redefine the research question in a new way. In addition, it is important to note that a more detailed conversation that has a time gap allows to compare how the interviewee evaluates his experience and to discover how such assessments can vary and transform over time. Finally, it should be noted that regardless of initial research question and topic, working with the interviewee, readiness to hear him and “follow him” give ground for new knowledge that can substantially distance from the starting point. Even though the interviewee does not cover the topics of researcher’s interest, then he still gives important and unexpected insights.

Keywords: LGBT, homosexuality, hate crimes, methodology, qualitative research

References

Enriquez L. (2017) Everyday Violence in Central America as Seen Through the Life of One Woman. *Qualitative Sociology*, 40: 377–402.

Healey D. (2014) Chto takoye “traditsionnyye seksual’nyye otnosheniya”? [What is “Traditional Sex”?]. In: A. Kondakov (ed.) *Na pereput’ye: metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir-issledovaniy* [On the crossroads: methodology, theory and practice of LGBT and Queer studies]. St. Petersburg: Center for Independent Social Research: 55–67 (in Russian).

Kondakov A. (2012a) Pravovyye rany: znachenije prav cheloveka dlya geyev i lesbiyanok v Rossii [Legal wounds: the meaning of human rights for lesbians and gay men in Russia].

* E-mail: evgshtorn@gmail.com

Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy [Laboratorium: Journal of Social Studies], 4(3): 84–104 (in Russian).

Kondakov A. (2012b) *Beseda s prizrakov* [Conversation with a ghost]. In: Karpenko O. (ed.) *Bespredel'naya sotsiologiya: sikvel* [Limitless sociology: sequel]. St. Petersburg: Center for Independent Social Research: 97–111 (in Russian).

Kondakov A. (2014) The Silenced Citizens of Russia: Exclusion of Non-heterosexual Subjects From Rights-Based Citizenship. *Social & Legal Studies*, 23: 151–174.

Kondakov A. (2017) *Prestupleniya na pochve nenavisti protiv LGBT v Rossii* [Hate Crime against LGBT in Russia]. St. Petersburg: Centre for Independent Social Research (in Russian).

Meyer D. (2008) Interpreting and Experiencing Anti-Queer Violence: Race, Class, and Gender Differences among LGBT Hate Crime Victims. *Race, Gender & Class Journal*, 3/4: 262–282.

Mozzhegorov S. (2013) Strategii gomoseksual'nogo raskrytiya v lichnostnykh narrativakh rossiyskikh geyev i lesbiyanok [Strategies for homosexual disclosure in personal narratives of Russian gays and lesbians]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 3(68): 172–187 (in Russian).

Omelchenko E. (2002) “Ne lyubim my geyev...”: gomofobiya provintsial'noy molodezhi [“We do not like gays ...”: homophobia of provincial youth]. In: Oushakin S. (ed.) *O muzhe(N) stvennosti* [About the Masc(Fem)ininity]. M.: The New Literary Observer: 582–608 (in Russian).

Surmanidze L. (2004) Kul'tura: sovremennyye empiriko-issledovatel'skiye tendentsii [Culture: modern empirical research trends]. In: V.V. Partzvania (ed.) *Chelovek: sootnosheniye natsional'nogo i obshchechelovecheskogo. Vyp. 2. Sb. materialov mezhdunarodnogo simpoziuma (g. Zugdidi, Gruzija, 19–20 maya 2004 g.)* [Human: the ratio of national and universal. Issue 2. Materials of the international symposium (Zugdidi, Georgia, May 19–20, 2004)]. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society: 225–238 (in Russian).

Weeks J. (2015) Kak vazhno znat' istoriyu: analiz konstruirovaniya seksual'nostey [The importance of being historical: understanding the making of sexualities]. In: Kondakov A. (ed.) *Obshchestvo i pravo: issledovatel'skiye perspektivy* [Law and Society: research perspectives]. St. Petersburg: Center for Independent Social Research: 125–139 (in Russian).

Zdravomyslova E., Temkina A. (2014) Feministskiye refleksii o polevom issledovanii [Feminist reflections on field research]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Journal of Social Studies], 1: 84–112 (in Russian).